Стэнли Мэтьюз

35 лет на правом краю

SHOUT
SHARE
IT

Автор этой книги не нуждается в особых рекомендациях. Имя Стэнли Мэтьюза известно во всех уголках мира, где играют в футбол. Записки прославленного английского игрока публикуются в переводе О. Кучеренко.

— Послушай, сынок, — сказал мне как-то отец. — Я, наверное, скоро умру, а самое мое большое желание так и не исполнилось: я не увижу, как ты вместе со своими товарищами выступаешь в финале Кубка на "Уэмбли" и получаешь медаль победителя. Мне, видно, не дожить до того времени, но обещай, что не бросишь футбола, пока не завоюешь Кубок на "Уэмбли"!

Конечно, я пообещал. Честно говоря, это было и моей мечтой. Но в то время я даже не смел и думать том, что впоследствии мне трижды доведется выступать в финале Кубка Англии.

СТРОИТЕЛЬ ИЛИ ПАРИКМАХЕР?

Мои с отцом, однако, не всегда развивались гармонично. Хорошо себя помню тринадцатилетним мальчиком. Год отделял меня от того времени, когда я должен был закончить школу в Веллингтоне н подыскать себе должность, чтобы самому зарабатывать на жизнь.

Чем же начать заниматься? Единственным моим желанием было стать профессиональным футболистом. Ничто другое мне даже не приходило в голову.

Но хочет ли этого отец, спрашивал я себя со страхом? Его единственной страстью в жизни был бокс — спорт, в котором он считался видным специалистом. К тому же он, вероятно, уже наметил, что я буду помогать ему в парикмахерской. которую он держал. Он согласился бы и на то, чтобы я поступил на строительный факультет. Конечно, мне больше улыбалась перспектива стать строителем, нежели парикмахером. Я справедливо считал, что лучше трудиться на свежем воздухе, чем в вызывающем у меня тошноту парикмахерском салоне. Но самые сокровенные мои мысли были связаны совсем с другим...

Мечтал я о том времени, когда мне исполнится 17 лет, я смогу покинуть родительский дом и появлюсь в одном из профессиональных клубов. Я думал только о футболе. Все больше казалось, что отец меня угнетает и "личная свобода" находится в опасности. Утешало лишь то, что мать — мой надежный тайный союзник.

Однажды утром я почувствовал себя особенно плохо. Я как раз возвратился с обязательной ежедневной тренировки, которую проводил со мной отец. Сел на стул в кухне, но от слабости не удержался и упал на пол. Мать очень испугалась, помогла встать на ноги и затем уложила в кровать. Вернулся домой отец. Он спросил:

— Где Стэнли?

— Ему плохо, — ответила мать и продолжила: — Послушай, Джек Мэтьюз, я все время молчала, но давно хотела тебе сказать,

что никогда не видела более бессмысленных взаимоотношений, чем у тебя со Стэнли. С этим пора кончать. Раз и навсегда! До каких пор ты будешь мучить парня своими боксерскими тренировками? Выкинь ты эту идею из головы! Отсюда идут все разногласия между вами. Разве тебе не ясно, что Стэнли не имеет никакого желания стать боксером, несмотря на все твои старания? Наконец, ты уже мог бы догадаться и сам, что он не рожден для бокса. Сегодняшний случай переполнил чашу, и с боксом должно быть покончено навсегда.

Отец не произносил в ответ ни слова.

— Ведь Стэнли всем сердцем мечтает стать футболистом. С сегодняшнего дня все, что будет в моих силах, я сделаю, чтобы помочь ему в этом. Надеюсь, это будешь делать и ты.

— Я не могу помогать ему. — сказал отец. — Допустим, что он станет в один прекрасный день профессиональным футболистом. Но во имя чего? Чтобы завершить свою карьеру в лучшем случае в тридцать лет? А на что он будет существовать до конца жизни?

Родители мои еще долго спорили и отец в конце концов сказал, что он согласится помогать мне стать футболистом лишь в том случае, если я добьюсь права играть в сборной школьников Англии и, конечно, успешно завершу учебу. Для меня его слова были лучшим лекарством. Теперь уже ничто не могло помешать мне посещать футбольные тренировки.

До этого дня мне даже в голову не приходило, что я могу быть включен в школьную сборную Англии. Поэтому теперь все свои усилия я направил на то, чтобы научиться как можно лучше работать с мячом. Я собрал свою волю в кулак и трудился, трудился. У меня была цель: мяч должен стать послушным. И если иногда не удавался какой-нибудь элемент, я выходил во двор или на полянку и упражнялся часами, а то и днями до тех пор, пока не убеждался, что овладел им в совершенстве. Так изо дня в день работал я с мячом все серьезнее и над более сложными упражнениями, забыв, что такое отдых. Наряду с этим я постоянно выступал за школьную команду. Мне было понятно, что нельзя забывать условие отца: стать членом сборной школьников Англии, но только не знал, как это можно сделать. Я и не подозревал в тот момент, что на меня уже обратили внимание селекционеры сборной...

Тогда я не знал еще, что все нормальные дети не встают так рано и не тренируются так настойчиво и систематически, как я под руководством отца. Но хорошая учеба в школе и прилежные тренировки полностью вознаградили меня за то, что я не имел всех тех удовольствий, которые получают ребята в детском

возрасте. Однажды староста нашего класса сказал, что меня приглашает к себе директор школы для какого-то важного разговора... В чем я провинился? — вот мысль, пришедшая первой мне в голову. Со страхом остановился я у двери кабинета директора. Как в тумане, вступил в его комнату. Мне показалось, что я нахожусь в каком-то безграничном зале. Я весь дрожал. В это время ко мне обратился директор.

— Как поживаешь, Стэнли? Тебя можно поздравить! Сегодня мне сообщили что ты включен в национальную сборную школьников на игру со сборной Уэльса в Борнемуте. Матч состоится через три недели Что ты думаешь об этом?

Я не верил своим ушам. Кровь прилила к лицу, губы ссохлись. Я стоял, словно громом пораженный. Только огромным усилием воли я заставил разомкнуть губы, чтобы поблагодарить директора и попросил стакан воды. После того как я напился и немного успокоился, директор добавил:

— А теперь еще одна неожиданность для тебя: решено, что ты будешь играть правым краем.

— Как правым краем? — удивился я. — Я ведь никогда не играл на этом месте. Вы думаете, мне удастся хорошо сыграть?

Директор сел за стол и сказал:

— Думаю, что ты оправдаешь наши надежды. А сейчас беги домой. Поздравь родителей с хорошей вестью.

Надо ли говорить, что домой я прибежал с рекордным временем. Мать с отцом как раз сидели за столом и пили чай. Увидев меня, мать испуганно вскочила со стула: "Что случилось, Стэнли?" Она явно боялась услышать что-нибудь недоброе. Я взял ее за руку и, как во сне, еле прошептал, обращаясь к отцу:

— Меня включили в сборную школьников Англии на матч с Уэльсом. Я буду играть правым крайним! — И дальше уже окрепшим голосом с гордостью сказал: — Что ты теперь думаешь, отец? Есть у меня шансы стать профессиональным футболистом? Теперь ты, наверное, выполнишь свое обещание.

Отец поднялся из-за стола, подошел ко мне и обнял. Он не смог скрыть волнения и радости:

— Мать, ты слышала? Наш Стэнли включен в сборную. Все в порядке. мальчик...

Отец сам провожал меня на вокзал. На прощанье он мне сказал: "Теперь все зависит от тебя самого. Желаю тебе большого счастья, сынок".

Станционный перрон почти уже скрылся из виду, но я все еще видел фигуру отца, машущего рукой. Мне далее показалось, что он поднес к глазам платок...

Все время пути до Лондона из головы не выходили последние

слова отца: "Все зависит от тебя самого! Все зависит от тебя!". И чем больше я повторял это, тем больше росла во мне уверенность, что все будет в порядке.

Да, с этого времени все зависело от меня самого.

Наконец настал тот момент, когда я вместе с другими ребятами выбежал на поле стадиона в Борнемуте. Разве можно сравнить с чем-нибудь другим чувство, когда ощущаешь под ногами зеленую траву футбольного поля!

Впервые в жизни я вышел на поле такого большого стадиона. Сделав первые шаги, я почувствовал, что футбол — это мое будущее, а все остальное для меня никогда не будет иметь столь важного значения, От радости и счастья хотелось даже запеть...

В том матче мне не удалось забить ни одного гола. Но мы победили — 4:1. По общему мнению я сыграл хорошо.

Перед матчем я просил родителей, чтобы они не ездили смотреть мое первое официальное выступление. Между тем, когда игра кончилась, пожалел, что отец и мать не были на трибуне. Когда я уже оделся, один из работников стадиона сообщил, что меня дожидается у выхода какой-то мужчина. Это был... мой отец. Конечно, я очень обрадовался.

Некоторое время спустя Том Матер, менеджер клуба "Сток Сити", стал постоянным посетителем парикмахерской моего отца. Его визиты не вызывали каких-либо сомнений. Перебрав все местные новости, Матер обычно заводил разговор с отцом о моем футбольном будущем. Отец молча слушал его рассуждения. Он не имел никакого понятия о том, что было хорошо известно менеджеру: уже много клубов заметило меня, интересовалось моей футбольной судьбой.

Стэнли МЭТЬЮЗ.
Дружеский шарж из журнала «Франс футбол».

До окончания школы оставалось всего несколько недель. Перед тем как навсегда покинуть наше старинное школьное здание и расстаться с друзьями, мне хотелось еще раз быть избранным в сборную школьников Англии на матч с шотландцами, который должен был состояться на знаменитом стадионе "Хемпден-парк" в Глазго. Это событие достойно завершило бы мои школьные годы. У меня не было никаких

сомнений, что я попаду в команду. Несмотря на это, я стал тренироваться еще упорнее и настойчивее. Хотелось выглядеть сильнее всех.

В день объявления состава сборной я встал рано и вместе с отцом отправился на нашу обязательную утреннюю тренировку. После того как отец прекратил активное судейство бокса, он полностью посвятил все свободное время мне. В основном он следил за моей физической подготовкой.

В то памятное утро у нас по плану был бег на короткие дистанции. Отец контролировал скорость секундомером. Затем я пробежал те же отрезки, но уже ведя ногами мяч. Только много лет спустя я понял огромную пользу этого упражнения, хотя тогда оно мне казалось однообразным и утомительным. Во время паузы я сказал отцу: "Сегодня определяют команду на матч с шотландцами. Не хочешь ли ты поехать вновь на игру?" Отец немного помедлил с ответом; "Я скажу тебе это только вечером, когда станет ясен состав команды. А вообще знаешь, сынок, тебе не мешало бы усвоить хорошее правило: в жизни не всегда все складывается так гладко, как мы предполагаем. Если ты будешь всегда помнить об этом, то тебе гораздо меньше придется разочаровываться".

После полудня я не находил себе места. На уроках весь извертелся, ожидая, что вот-вот учитель объявит о том, что меня вызывает к себе директор. Прозвенел звонок, товарищи мои разошлись, однако мне никто так ничего и не сказал. Может быть, директор вызывает к себе только тогда, когда в сборную выбирают в первый раз? Не чуя под собой ног, я побежал домой.

Отец сидел за столом и читал газету. Увидев меня, он отложил ее в сторону и сказал: "Я должен кое-что купить в магазине. Пошли вместе". Я смотрел на него во все глаза.

— Папа, меня включили в команду?

— К сожалению, сынок, на этот раз нет.

Его слова поразили меня, словно нож. Бессмысленно смотрел я перед собой, слезы навернулись мне на глаза. Отец молча вышел из комнаты, а я тут же бросился к газете, прочел состав команды вслух, и газета выпала из рук. Склонив голову на стол, я спрятал лицо в ладони.

Эти несколько отчаянных минут, думается, были решающими в моей жизни. Надо ли говорить о том, как я был огорчен. И все же я решил не сдаваться: теперь все зависит только от меня. Постоянные тренировки под наблюдением отца не могут не сказаться. Я буду играть отлично!

Решение было принято. В моих глазах больше не было слез, и я крепко стоял на ногах. Родился новый Стэнли.

Никогда позже я не был в жизни самоуверен...

"ВСЕ БУДЕТ В ПОРЯДКЕ, СЫНОК!"

До того как мне исполнится пятнадцать лет, оставалось несколько дней. После окончания школы я стал чаще помогать отцу в работе, но не прекратил упорных тренировок. Я хорошо понимал, что нет никаких возможностей стать профессиональным футболистом до семнадцати лет. Эта дата казалась мне бесконечно далекой.

Во всяком случае с каждым днем я становился все мощнее, быстрее, опытнее.

Однажды утром, идя на работу, я случайно бросил взгляд на свои ботинки и остановился как вкопанный. Они были разорваны. Особенно большая дыра зияла на верхней части. А ведь это были лучшие мои ботинки. Я поднял с земли какой-то клочок бумаги и пытался прикрыть эту дырку, но без особого успеха. Я примирился с судьбой и готов был выслушать горькие упреки. Несмотря на молодость, я очень хорошо понимал, что родители не могут так часто тратить деньги на покупку мне обуви.

Войдя в парикмахерскую, я тут же спрятался за ближайшее кресло, чтобы отец не заметил моих ботинок. Парикмахерская была переполнена. Заметив меня, отец сказал: "Нет никакой нужды прятаться за кресло и маскировать ботинки. Я хорошо знаю, что ты в них играл. Это видел один из наших постоянных посетителей. Этот разговор мы продолжим дома, — сказал отец сухо. — Подай мне щетку".

Было пять часов пополудни, когда мы отпустили последнего посетителя. По дороге домой мы с отцом говорили о многом, и меньше всего о рваных ботинках. Мать, как всегда, нас дожидалась с традиционным чаем... В этот момент кто-то постучал в дверь.

— Войдите. — сказал отец.

На пороге появился Том Матер, менеджер "Сток Сити". Отец поздоровался с гостем, предложил ему присесть за стол. Матер начал так:

— Стэнли, у меня есть хорошие новости. Твой отец согласился, чтобы ты поступил в наш клуб в день твоего 15-летия. Ты начнешь работать курьером в канцелярии. Зато у тебя будет сколько угодно времени для занятий футболом. Что ты на это скажешь?

Что я мог сказать? Смеются, что ли они? От счастья я едва не за дохнулся...

День, когда мне стукнуло пятнадцать лет, был холодным. Робея, остановился я у двери, на которой было написано "СТОК

СИТИ ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ". Здание было таким огромным, а я таким маленьким.

Наконец, набравшись храбрости, я отворил дверь с табличкой "Служебный вход". В комнате никого не было. Я на цыпочках прошел до следующей двери, хотел ее тоже открыть, но внезапно она распахнулась, и на пороге появилась девочка. Она смотрела на меня и дружески улыбалась. Ей. наверное, было столько же лет, сколько мне.

— Хэлло! Это вас зовут Стэнли Мэтьюз?

Я подтвердил кивком головы.

— Меня зовут Бетти Валанс, а мой отец тренирует этот клуб.

— Я очень рад, что мы познакомились, Бетти, — наконец выдавил я из себя.

— Вы не нервничайте, — продолжила со мной разговор Бетти. — Для этого нет причин. Вы увидите сами, как у нас хорошо. Вам наверняка понравится.

— Я должен представиться мистеру Валансу, — сказал я ей о настоящей причине своего прихода.

— Папа сейчас работает и послал меня вам навстречу. Я отведу вас к нему. Он на поле, тренирует нескольких игроков. Пойдемте.

Мы вышли на поле. Отец Бетти громко подавал команды футболистам. Они слушались его беспрекословно. Может быть, игрокам эта атмосфера была привычной, но мне, поскольку я впервые очутился на футбольном поле рядом с настоящими профессионалами, все казалось немножко неприятным и грубым. Но я довольно быстро понял, что ни один наш клуб не мог бы выдержать долгой конкуренции с соперниками без железной дисциплины.

Тренер Валанс заметил Бетти и меня, сказал что-то игрокам и подошел к нам. Он оглядел меня с ног до головы, а затем обратился ко мне весьма сдержанным тоном (впоследствии я узнал, что это его обычный тон):

— Значит, ты еще молод, Мэтьюз? Если ты прилежно и упорно будешь делать все, что я тебе скажу, ты станешь у нас счастливцем. Но если ты будешь увиливать, как некоторые умники, я найду лекарство, чтобы тебя излечить. А сейчас иди подметать раздевалку и приведи там все в порядок. После этого сразу же явишься ко мне.

Валанс отвернулся и пошел на поле. Я был разочарован. Бетти взяла меня за руку:

— Пойдем, Стэнли. Я покажу тебе. где расположена раздевалка.

Ничего себе, начало футбольной карьеры! Мести, чистить,

убирать раздевалку!

Я думал, что мне придется выполнять сугубо канцелярскую работу: клеить марки на конверты, разносить почту. Но убирать раздевалку! Правда, однажды я делал уборку в паркмахерсной своего отца, но то было совсем другое дело.

Когда Бетти ушла, я не знал, как приступить к работе. Но в конце концов каждый, кто желает добиться какой-нибудь большой цели, должен начинать с малого. Мне, вероятно, выпала доля начинать с самой нижней точки. Взяв метлу и щетку, я принялся за работу, и вскоре одна комната уже блестела. Навел порядок и во второй комнате. Я даже гордился собой. Едва я отложил в сторону метлу и щетку, как в коридоре раздались шаги. Это был тренер Валанс. Он прошелся по раздевалке, осмотрел ее и довольный кивнул головой.

— Мне кажется, что ты быстро освоился на новом месте. Не так ли?

— Я буду делать все, что в моих силах, для выполнения ваших поручений.

— Все будет в порядке, сынок! — ответил Баланс.

Он направился к выходу, но у самой двери остановился.

— Как ты смотришь на то. чтобы переодеться и присоединиться к остальным игрокам? Пойдем, я хочу посмотреть, что ты умеешь и в силах ли ты так же ловко справляться с заданиями на футбольном поле.

На моем лице расцвела упыбка.

— Буду готов через минуту.

Вскоре я занимался на футбольном поле под руководством настоящего тренера. Это было впервые в моей жизни. С огромным старанием выполнял я все его указания. В этот момент мне казалось, что я самый счастливый мальчик в городе.

...Однажды по привычке я остановился перед доской с объявлениями, которая висела перед входом в нашу раздевалку. Наконец я дошел до состава нашей основной и резервной команд на ответственный матч с сильным клубом "Бернли". Взгляд мой быстро скользил по знакомым именам, как вдруг меня словно поразила молния: в списке дублеров я прочел свое имя! Я был несказанно удиилен, так как мне еще не было шестнадцати лет. Я сразу же подумал, как эта весть порадует моего отца. По окончании тренировки я поспешил в парикмахерскую. По пути мне навстречу попалась Бетти. Я не мог отказать себе в удовольствии поделиться радостью. Она тоже очень обрадовалась и сказала, что обязательно придет за меня болеть.

Отца я застал, когда он уже закрывал свою парикмахерскую. Весть для него была без сомнения приятная, но он все же сказал:

— Мне кажется, что ты еще молод для игры в резервной команде. А, да ладно! Тренеры знают, что делают.

По пути домой отец завел со мной такой разговор:

— Хорошо было бы, если бы ты до субботы поупражнялся в спринте с мячом. Всегда помни, что любой игрок, которого ты обойдешь с помощью дриблинга или на скорости, будет успешно продолжать борьбу с тобой, поскольку ему без мяча бежать легче.

На следующее утро под наблюдением отца я долго упражнялся и скоростном беге с мячом.

Наконец настала долгожданная суббота. Когда я впервые появился на поле в форме "Сток Сити", с трибун раздались громкие аплодисменты. Это группа моих школьных товарищей пришла на стадион поздравить меня с большим успехом.

После матча все говорили, что играл я хорошо и допустил мало ошибок. Вероятно, потому, что я был слишком молод, на меня обратили внимание почти все спортивные журналисты. В отчетах о матче они упомянули о моем неплохом дебюте.

Разумеется, меня больше всего интересовало, что об этом скажет отец. Я пришел домой тогда, когда он читал вечерние газеты.

— Стэнли, — начал он. — В твоей жизни будут еще матчи, сыгранные лучше или хуже этого. Главное, чтобы ты не забывал не то, что ты провел матч хорошо, а то, какие тобой были допущены ошибки. Потому что свои недостатки надо изучать, исправлять, а затем никогда таких ошибок не повторять...

Руководство клуба предоставило мне возможность выступить еще несколько раз в резервном составе. За несколько месяцев до окончания чемпионата мне исполнилось 16 лет.

В следующем сезоне уже никого не удивил тот факт, что я стал постоянным игроком дублирующей команды. По его окончании в графе сыгранных мною встреч значилась цифра 22. Мне казалось, что я могу играть свободно в два раза больше. Я не знал еще тогда, что такое чувство усталости.

Стэнли МЭТЬЮЗ впервые надел футболку «Сток Сити», когда ему еще не было и шестнадцати лет. Сейчас Стэнли пятьдесят. Он, как и прежде, выбегает на поле в форме этого клуба...

В последних матчах мне довольно часто приходилось играть против профессиональных футболистов, значительно старших по возрасту. Я был еще слишком молод, чтобы во всем с ними равняться. Но с каждым разом действовал все увереннее, и однажды я задался пелью решить одну из своих "великих" проблем. Ее суть состояла в следующем: правый крайний нападения, пробиваясь к воротам соперника, как последнюю преграду имеет на своем пути левого защитника. Чтобы курс на ворота оказался верным, нужно этого защитника обойти с его слабой стороны — правой.

Мне иногда удавалось это сделать, однако я не был до конца уверен в правильности своих действий. Это запало мне в голову так глубоко, что иногда я даже просыпался ночью, мучимый неразрешимостью проблемы. Но вот однажды на меня как бы нашло "просветление".

Это был обычный матч резервных составов. Я занимал привычное место на правом краю. "Держал" меня мощный бек, от которого не так просто было освободиться. Он довольно часто успешно отбирал у меня мяч. Тогда мне и пришла в голову мысль не дожидаться, когда он нападет на меня, а действовать самому. Получив мяч, я сделал молниеносный рывок и устремился прямо на него. Было ясно, что он не может разгадать мои намерения. Когда я приблизился к нему на такое расстояние, что мог дотронуться до его руки, то неожиданно сделал поворот телом, собираясь как будто обойти его с левой стороны. Защитник автоматически среагировал на мое движение. И когда заметил, что он всю тяжесть тела перенес в ту сторону, то рванулся в противоположную: путь к воротам был открыт.

Это же самое я проделал в матче еще несколько раз. Я всегда двигался прямо на защитника. Ему казалось, что нет никакой опасности, поскольку я тормозил движение, и каждый раз он оставался в недоумении, как его могли провести. Трюк удавался мне, как во сне.

Счастливым покинул я поле в тот день. Но еще более полное удовлетворение я получил назавтра, когда в газетных отчетах прочел много похвальных слов в свой адрес. Комментаторы высказывали мнение, что я оправдываю ожидания специалистов, предсказавших мне большое футбольное будущее.

Обилие явных похвал может вредно отразиться на молодом спортсмене. Комплименты расслабляют, вместо того чтобы служить мощным толчком в дальнейшем совершенствовании.

Мой отец, так же, как и я, прочел все, что писали обо мне, и завел со мной длинный разговор на эту тему. Смысл его высказываний сводился к тому, что всевозможные похвалы

гораздо быстрее и эффективнее могут повредить карьере, чем что либо другое.

МОЙ ПЕРВЫЙ КОНТРАКТ

Хотя я поступил в "Сток Сити", никакого договора с клубом я не подписал, так как мне еще не исполнилось 17 лет.

В "Сток-Сити" я был всегда счастлив и доволен, постоянно ощущал заинтересованность со стороны тренера Валанса, который был строгим, но справедливым педагогом. С его помощью я научился многому, так как он не жалел времени для работы со мной и часто занимался даже дополнительно. Мое совершенствование в футбольном смысле шло быстрее всяких ожиданий. Множество клубов английской первой лиги не скрывало своих намерений принять меня в свои ряды.

Наконец настал "исторический" день моего семнадцатилетия. Знаменательным он был в том смысле, что только с этого момента я мог подписать настоящий договор с каким-либо клубом как профессионал. До этого я никому не принадлежал, даже "Сток Сити", которому я был лишь лично и морально обязан.

Это были бурные дни. Мой отец с утра до вечера был занят постоянными переговорами с представителями различных клубов, которые стучались в нашу дверь в любое время дня. Том Матер тоже не терял зря времени. Он ни на шаг не отходил от моего отца. Было очевидно, что мое имя заняло какое-то места в футбольном мире Англии. На страницах спортивных газет часто можно было прочесть о том, что мне предстоит богатая и успешная международная карьера. Будущее лежало перед моими ногами.

В эти дни мой отец больше всего думал о том, как бы не принять ложного решения. Не удивительно, что в то время он подвергался всяким заманчивым предложениям, которые следовали со всех сторон. Я же продолжал спать спокойно, хорошо зная, что отец примет наилучшее решение. Поэтому я не был удивлен, когда через несколько дней после того, как мне исполнилось 17 лет. отец предложил мне серьезно поговорить с ним. Начал он без всяких вводных слов.

— Сынок, я думаю, ты хорошо знаешь, что в последнее время я имел возможность говорить со многими людьми из футбольного мира о твоем будущем. Многие из них желали бы, чтобы ты подписал договор с теми клубами, которые они представляют. Настало время принять решение.

Затем он подробно изложил мне, с кем он разговаривал, какие клубы имели на меня виды, какие условия они предлагали и т. д. Я слушал внимательно. Свою речь отец закончил

следующими слонами:

— И, наконец, среди всех остальных клубов, которые желали бы видеть тебя в своих рядах, есть и "Сток Сити". Признаюсь тебе, что Том Матер лично мне сказал, что он боится тебя потерять. Теперь ты должен принять решение, в каком клубе ты будешь играть.

Я пытался ответить ему сразу, но отец прервал меня.

— Не спеши с решением. Подумай. У тебя есть еще время. — И ушел.

Оставшись один в комнате, я еще раз поразмыслил над тем, что мне рассказал отец. Но передо мной в общем не было большой дилеммы, мое решение созрело давно.

Так я решил "годписать договор со "Сток Сити". Этими словами я встретил возвратившегося в комнату отца...

В день поступления в "Сток Сити" я представил отцу выполнить все формальности по оформлению договора. Тут же после его подписания я хотел быстрее добежать домой, чтобы сообщить радостную новость матери. Но в этот момент у меня за спиной раздался голос:

— Не можете ли вы дать мне автограф?

Я быстро обернулся. В нескольких шагах от меня стояла Бетти Валанс. Я очень обрадовался, что увидел ее в этот момент.

— Поздравляю тебя, Стэнли, — сказала Бетти. — Надеюсь, ты сегодня доволен. Твои сны обратились в действительность.

По пути домой я думал только о Бетти...

В скором времени я стал настоящим профессионалом, который обязан трудиться полный рабочий день. Мне представилась возможность познакомиться на деле с джунглями футбольного бизнеса.

"Сток-Сити" платил мне пять фунтов в неделю во время чемпионата и три фунта в период отдыха. Для 17-летнего юноши это были большие деньги.

Однако то, что я стал профессиональным игроком, еще не означало уверенности в том, что и в дальнейшем меня будет преследовать успех.

В самом клубе существовала острая конкуренция между футболистами. Конечно, никто не был рад, когда его вытесняли из первой команды. Недолго пришлось мне ждать, чтобы столкнуться с неприятными сторонами жизни профессиональных футболистов.

Еще не высохли чернила, которыми я подписал текст договора, как техническое руководство клуба объявило имена игроков, которые должны выступать в очередном субботнем матче против "Бари". Я подошел и доске, на которой были

вывешены составы обеих команд. Чувство победы зародилось во мне, когда я нашел свое имя среди футболистов основного состава.

Конечно, я, как вихрь, полетел домой. Отец с одобрением выслушал мой рассказ. Затем он мне сказал:

— Сынок, мы много разговаривали с матерью о твоей карьере. Теперь нам не о чем беспокоиться. Тебе нужно только решить финансовую проблему, так сказать, материальную основу твоего будущего.

Он открыл кошелек и достал оттуда банкноту в десять фунтов.

— Я хотел бы, чтобы эти деньги стали первым вкладом на твоем банковском счету. Думаю, что каждую неделю ты будешь класть половину своей заработной платы. Другую половину отдавать матерн как взнос для ведения домашнего хозяйства. Ты принесешь нам только радость, если твой банковский счет будет расти из недели в неделю.

Я взял деньги и пошел и двери. Около выхода я остановился и сказал отцу:

— С этим все в порядке, но не прибавишь ли ты мне немножко на карманные расходы?

Отец засмеялся.

— Эти деньги ты должен тоже сам зарабатывать. Разве вам не положена премия за победу? Если вы в субботу выиграете у "Бари", вот тебе карманные деньги. А ведь это целый фунт. Но если, к несчасгыо, вы проиграете, тогда ты будешь помогать мне работать в парикмахерской. Там ты тоже можешь немножко заработать.

Уже на первом матче в майке "Сток Сити", который в то время играл во второй английской лиге, я убедился, как футбол во встречах чемпионата во многом отличается от того, в который я до этого играл. Очевидно было, что я должен был действовать значительно лучше, чем раньше, чтобы выдержать конкуренцию других футболистов. И я начал все время рваться вперед, допуская много ошибок. Мы победили в этом матче, без карманных денег я не остался, но до конца сезона меня больше ни разу не поставили в первую команду. Меня этот матч многому научил. Я вступил в него как юноша, а ушел с поля как мужчина.

Однажды теплым июньским полднем 1932 года я пошел на прогулку за город. Находившись, я решил отдохнуть на берегу моря. Кто знал, где в этот момент витали мои мысли. Неожиданно прямо передо мной в воду упал какой-то предмет, и брызги попали мне на лицо. Я вскочил и обернулся. В десяти метрах от меня стояла Бетти и весело смеялась. Разве мог в тот

момент я предполагать, что в один из дней она станет моей женой и матерью двоих моих детей?

Этот снимок сделан в 1957 году. Стэнли МЭТЬЮЗ вместе со своей женой Элизабет на пути из Букингемского дворца, где лучшего футболиста Англии принимала королева.

— А, Бетти! — приветствовал я ее радостно, — Откуда ты? Что делаешь?

Я заметил, что в руках она держала клюшки для гольфа.

— Я гуляла тут, немного играла в гольф и увидела, как ты сидишь около воды с отсутствующим взглядом. Я подумала: надо вернуть тебя на этот свет. Скажи, это был хороший удар?

Эта неожиданная встреча меня очень обрадовала. Мы говорили обо всем и о всяком.

Все лето я ежедневно посещал тренировки Занимался я очень упорно. Упорнее чем когда-либо.

Футбольный сезон закончился быстро, так, что я даже не

ожидал. О себе и о своих возможностях я имел самое посредственное представление. Я нетерпеливо ждал того дня. когда снова появлюсь в первой команде.

Этот день настал довольно быстро.

Руководство клуба хорошо сделало, что не всякую субботу ставило меня на игру за первую команду. Для меня это было бы слишком много. Итак, в течение сезона я 16 раз надевал футболку первой команды. Мой клуб "Сток Сити" занял первое место во второй лиге, и я вместе со всеми игроками получил медаль чемпиона. Одновременно я отпраздновал свое восемнадцатилетие.

Думаю, что тот сезон чемпионата 1933—33 гг. был одним из самых значительных в моей карьере. Возмужал я настолько, что ни у кого не вызывало никаких сомнений, что мое место в основном составе. Для меня, молодого игрока, было очень важно и то, что мой клуб на следующий год должен был конкурировать с лучшими английскими командами.

Лично я был уверен, что своими успехами полностью обязан безграничному труду на тренировках. Пролитый пот вознаградил меня. Мое будущее стоило всех тех воодушевлений и разочарований, которые я испытывал во время ежедневных тренировок.

В конце 1933 года мною заинтересовались селекционеры Английской футбольной ассоциации. А вскоре они доверили мне место во второй сборной Англии в спарринг-матче с национальной командой. Эта встреча была моим первым шагом на пути в ряды 11 лучших Англии.

...Шел 1934 год. Мне исполнилось 19 лет. Июнь. Как-то вечером за ужином я почувствовал, что мать хочет поговорить со мной о чем-то очень важном. Я не ошибся.

— Думаешь лн ты о Бетти, Стэнли? Любишь ли ты ее? — Наконец-то перешла мать к "теме дня".

Она хорошо сделала, что позволила мне перед этим дожевать последний кусок.

— Слушай, Стэнли, настало время серьезно поразмыслить об этом. Сейчас ты исключительно занят только собой. Тренировки, тренировки. тренировки! Есть ли в твоей жизни место для чего-нибудь другого, кроме футбола? Что ты думаешь о Бетти?

— Я не знаю, в чем дело? — попробовал притвориться я. — Что же мне делать? — спросил затем я ее как можно искренней.

— Ты хорошо знаешь, о чем идет речь, — ответила мать и подвинула свой стул ближе. — Сегодня она была у нас и долго тебя ждала. У Бетти были билеты на новый фильм. Но ты, как обычно, забыл об этом. Все из-за футбола. Ты его любишь,

Стэнли, но этого еще недостаточно. Так ты потеряешь Бетти!

Я рванулся к двери.

— Сейчас же бегу к ней домой. Я извинюсь и постараюсь убедись, что мне очень жаль, что все так произошло.

— Думаю, уже поздно, сынок. Бетти сегодня вечером вместе с отцом уехала в Шотландию...

Первый раз в жизни футбол для меня перестал существовать...

Конечно, я мало думал о Бетти. Мать была права, когда так говорила. Но я любил Бетти, и в голове у меня мигом созрело решение.

Я глубоко вздохнул.

— Что ты думаешь предпринять? — спросила мать.

— Сейчас же упакую чемодан и поеду в Шотландию делать предложение Бетти. Не вернусь обратно, пока не получу согласия.

— О чемодане можешь не беспокоиться. Я уже его приготовила. Он стоит за дверью...

Я быстро поцеловал мать и побежал... А скоро был уже у Бетти в Шотландин. Венчались мы в доме "Бонитон гольф клуба" близ Глазго...

МЕНЯ ПРИГЛАШАЮТ В СБОРНУЮ

В день, когда должен был быть объявлен состав на матч с Уэльсом, я сидел в парикмахерской отца и разговаривал с ним. В этот момент туда буквально влетела одна из наших постоянных посетительниц:

— Джек, твой Стэнли в сборной Англии!

Через мгновение я уже был на улице. Как пуля домчался до угла, где мальчишка продавал последние выпуски газет. Еще издали я увидел крупный заголовок: "Мэтьюз в сборной!". Да, это было правдой!

С газетой в руках я поспешил к отцу. Я видел его лицо в тот момент, когда он прочел мое имя. Никогда я не помнил у него более счастливого выражения. Отец возвратил мне газету:

— Поздравляю, сынок! Ты добился своего. Желаю тебе большого счастья! — Это было в конце сентября 1934 года.

Наконец наступил этот великий день. Я находился в одной раздевалке с лучшими футболистами Англии. Когда мы начали одеваться, в дверь просунулась хорошо знакомая мне голова. Это был Рой Джон, бывший игрок "Стой Сити", который сейчас выступал за "Престон". В сегодняшней встрече он защищал ворота сборной Уэльса. Джон как будто искал кого-то. Когда его взгляд остановился на мне, он вошел в раздевалку и поздоровался со мной.

Я не мог скрыть перед ним своего волнения. Джон обнял меня:

— Тебе нечего бояться, Стэнли! Увидишь, что эта международная встреча не так уж страшна. Игра как игра. Желаю тебе счастливого дня.

Никогда не забуду дружеского напутствия Роя Джона. Его слова помогли мне успокоиться. А когда раздался свисток судьи на начало матча, волнение совсем пропало, и я заиграл как обычно.

Первый тайм мы выигралт 3:0. Два мяча забил центрфорвард Фреди Тильсон из "Манчестер Сити", а третий — его одноклубник инсайд Эрик Брук. До перерыва наша игра была выше всяких похвал.

На первой же минуте второго тайма левый инсайд Вестонд из "Болтона" выдал мне превосходный пас. Это был "шанс жизни"! Я подхватил мяч, без промедления рванулся к воротам противника, и с ходу нанес сильнейший удар. За плечами моего друга Джона сетка затряслась так, будто по ней ударил гром. В первом же матче в национальной сборной я забил гол!

В тот момент я, конечно, не мог думать о моем несчастном друге Джоне. Мы встретились после игры.

Сделав обиженное лицо, он бросил мне свой свитер:

— Возьми, Стэн! Ты заслужил его! — продолжил он уже смеясь. — Другой раз буду знать, как давать советы приятелям перед матчем, особенно таким, как ты.

Мы обнялись. Он поздравил меня, а я подарил ему свою первую футболку национальной сборной. Рой заслужил ее. Он был настоящий друг.

На следующее утро на железнодорожной станции в Стоке меня встречали Бетти и родители. По радио они слушали репортаж о матче. В момент, когда я забил гол, они так обрадовались, что Бетти даже прослезилась от счастья.

По пути домой мы шли, взявшись все за руки. В эти минуты я был самым счастливым человеком на свете. Мне еще не было 20 лет. Что я еще мог себе пожелать в тот день?

Вскоре мы все сидели дома и пили чай. Мать не скрывала своего счастья

— Знаешь, Стэн, когда ты еще был малышом, влюбленным в футбол, я сомневалась в твоем будущем. Мне не верилось, что из худенького мальчика в один прекрасный день вырастет настоящий спортсмен. Но, учтя твое самолюбие, я решилась помочь тебе. Все, чего ты достиг — результат твоего личного трудолюбия и самопожертвования. Ты заслужил свое счастье.

Вскоре после матча с Уэльсом я получил постоянное место в

сборной Англин. Нам предстоял международный матч, который я запомнил на всю жизнь иэ-за его грубости. Это была игра со сборной Италии в ноябре 1934 года на стадионе "Хайбери".

Англичане победили 3:2, но я сам сыграл слабо. Мои нервы были напряжены до предела. Я никак не мог приспособиться к неприятной атмосфере этой встречи, которая с первых минут превратилась в откровенную драку.

Итальянцы бросались на нас, словно волки. В единоборстве они были бесцеремонны.

Я и по сей день не могу оправдать их грубость. Мой способ игры был смешон в этих условиях, так как мне не давали сделать с мячом больше одного шага.

Не прошло и минуты, как Брук заставил итальянцев начать с центра поля, а те набросились на него с кулаками. Наш капитан Эдди Хепгуд пытался остановить хулиганов и... свалился на землю как подкошенный. Один из итальянских игроков нокаутировал его. Несколько следующих минут были неописуемыми. Пока Хепгуд лежал на земле, окруженный врачами и руководителями сборной, началась обоюдная драка. Все это очень тяжело подействовало на меня.

Я стыжусь таких сцен на футбольных полях. А когда я увидел, как Хепгуда с расквашенным носом выносят на носилках, то расстроился совершенно.

Инцидент с Хепгудом вызвал раздражение и ярость у многих наших игроков. Счастье, что у нас в команде были Брук и Копинг — футболисты с железными нервами. Не обращая внимания на грубость итальянцев, они шли вперед, вдохновляя своим примером партнеров.

В один из моментов Тэд Дрейк, дебютировавший на месте центрфорварда, устремился в неудержимый прорыв и забил блестящий гол — первый в своей международной карьере.

Итальянцы не простили ему втого. Перед концом тайма молодого Дрейка унесли с поля. Я чуть не заплакал, когда наблюдал эту сцену.

Вы можете себе представить, что творилось в нашей раздевалке во время перерыва. Не хватало слов для возмущения. У меня же было такое чувство, будто над моей головой занесли топор.

Я был еще очень молод, и поэтому на меня, как ни на кого другого, успокаивающе подействовала речь руководителя сборной. Он быстро утихомирил моих разъяренных товарищей, сказав, что продолжать игру мы должны так, как этому с детства учат английских футболистов. Ибо если бы мы вышли на второй тайм с желанием отвечать на грубость грубостью, то

кровопролитии избежать не удаюсь.

Во втором тайме ко мне вернулось самообладание, и я сыграл нормально, то есть так, как умел.

После этой игры селекционеры решили оставить меня в сборной. В течение сезона 1934—35 гг. я ни разу не исключался из национальной команды.

С того дня прошло много лет, но горького опыта игры с итальянцами я не забыл до сих пор.

Начало следующего сезона принесло мне одно удовольствие: теперь мое имя регулярно упоминалось в спортивных разделах газет. Однако я помнил о необходимости совершенствоваться. Причем больше всего я тренировался в дриблинге, хотя считал его своим самым сильным оружием. А может быть, именно поэтому.

Стэнли МЭТЬЮЗ

Мне было известно много финтов: одни я подсмотрел у других игроков, другие рождались сами собой в матче. Чтобы довести их до совершенства, я тренировался по собственному способу: вбивал в землю деревянные стойки в определенном порядке, а затем начинал проходить их с мячом, делая при этом обманные движения телом так, как будто передо мной были футболисты противника. Так самостоятельно я упражнялся

часами, сначала отрабатывая один финт, а затем серию ложных движений до тех пор, пока не выполнял их без ошибок на предельной скорости, не задевая мячом или телом стоек. Этим в общем-то несложным способом я и совершенствовал свой дриблинг.

Размышляя об игре крайних нападающих, я пришел к твердому убеждению, что форвард, выступающий на этом месте, должен иметь для единоборства с защитником свой репертуар приемов, и как можно более широкий.

Если крайний форвард отработал до совершенства лишь один финт с уходом в какую-либо сторону, то его противнику достаточно будет вступить в единоборство несколько раз, чтобы понять, откуда ему грозит опасность. Такой "прочитанный" защитником форвард вряд ли будет иметь успех.

На мое счастье, я обладал врожденной ловкостью, которая позволяла мне делать сразу два финта с последующим уходом одинаково успешно вправо или влево. Мои опекуны никогда не знали, что я намереваюсь предпринять дальше и в какую сторону буду уходить. Для себя я решил натренировать эти два "трюка" до автоматизма.

Для этой цели я использовал большую часть свободного времени во время летнего перерыва перед чемпионатом 1935—1936 годов. Уже на первой встрече осеннего круга мои финты вызвали удивление у соперников. Оказались они неожиданными для моих друзей из "Сток Сити".

Той осенью, мне думается, я пользовался огромной популярностью. Болельщики с нетерпением ожидали, когда мяч попадет ко мне. Они бурно подбадривали меня, когда я сближался с соперником, и аплодировали любому успешному приему.

Вскоре я стал любимцем поклонников "Сток Сити", а одновременно заслужил репутацию непопулярного игрока среди защитников. После каждой игры я делал специальные заметки, обращал особое внимание на ошибки и уже на следующее утро на первой же тренировке стремился исправить недостатки.

На мое счастье, скоро в моем совершенствовании произошла одна маленькая задержка, что вообще-то вполне нормально в развитии каждого футболиста, ибо кривая успехов не может расти непрерывно.

Селекционеры не рассчитывали на меня перед матчем со сборной Германии, который должен был состояться 4 декабря 1935 года. Вместо меня правым крайним определили Ральфа Биркета из "Милдсборо". Между тем за несколько дней до встречи он получил травму и селекционеры сразу вспомнили обо мне.

Когда мы вышли на поле, я бросил взгляд на трибуны. Они были переполнены.

Я знал, что среди 40 тысяч зрителей находится и мой отец. "Старик" взял напрокат автомобиль и приехал посмотреть на мою игру.

Вскоре после свистка на начало игры кто-то передал мне мяч. Я находился где-то в середине поля и, не задумываясь, рванулся с мячом к линии ворот. Моим непосредственным. противником был левый защитник немцев Минценберг. Я видел, что он ждет моего приближения. Как обычно, на большой скорости я пошел прямо на него, контролируя при этом движение мяча, стараясь как можно меньше расставлять ноги в сторону.

Тем не менее Минценберг отобрал у меня мяч... Я не верил своим глазам! "Как это могло произойти?" — спрашивал я сам у себя...

Несколько минут спустя я сделал новую попытку обойти Минценберга. На этот раз я решил не подходить к нему так близко. Не доходя до него вплотную, я провел один нз своих детально разученных финнов, а когда уже казалось, что прием удался, немец вновь сумел выбить у меня мяч.

Я был форменным образом убит... Понемногу я приходил в себя: "Этот игрок, видимо, не по мне, — рассуждал я сам с собой. — Он же намного быстрей и искусней меня".

Минценберг оказался для меня настоящим откровением. Никогда за всю свою короткую карьеру я не встречал защитника такого класса. Он знал все: легко делал рывок с места, атаковал совершенно чисто и, на мое несчастье, всегда опережал меня на какое-то мгновение.

Больше того, я же сам чувствовал, что нахожусь в отличной форме!

Минценберг навсегда остался в моей памяти как выдающийся мастер обороны.

Поскольку игра продолжалась, я решил избавиться от надзора неприятного Минценберга и сместился в центр поля. В один из моментов, когда я не больше чем на метр вошел в штрафную площадь, мяч попал ко мне. Я был уверен, что забью гол. Ворота были близко, я успел даже выбрать место, куда пробить, нанес удар изо всей силы и тут же похолодел. Мяч полетел в сторону метров на пять.

И тут я впервые в жизни услышал негодующий свист 40 тысяч зрителей в свой адрес.

Я стоял сам не свой и никак не мог понять, как могло случиться, вернее, не получиться у меня то, что я обязан был сделать. Поскольку я был слишком молодой игрок, которому все

хочется сделать как можно непринужденнее и мастерски, то допустил ученическую ошибку: в самый решающий момент я не видел мяча и поэтому ногой "вспахал" землю.

Я был в таком отчаяния, что готов был сбежать с поля в раздевалку.

Чем дальше шел матч, тем хуже я играл. А в конце, когда раздался финальный свисток арбитра, в голове у меня гудело, как в улье.

Результат этого матча был 3:0 в пользу англичан, но даже он меня не радовал...

ИТАК, С ЭМБЛЕМОЙ АНГЛИИ

После встречи мои товарищи по команде, каждый, кто как мог, пытался меня утешить, а я сгорал от стыда за свою плохую игру. Наконец-то мы распрощались, и я поспешил на поезд. Всю дорогу я смотрел в окно вагона и предавался воспоминаниям о матче. Не мог найти себе ни оправданий, ни объяснения своей неудачи. Моя сегодняшняя игра должна была бы получить слабую оценку, если бы даже я выступал в рядовом матче первенства страны, а тут международная встреча, в которой от меня так много ожидали. Я все время думал об отце. Ведь он был на матче! Что он думает об этом, что может мне сказать?

Было бы просто сказать: "В матче с немцами должен был выступать Биркет. Разве я виноват, что все так получилось?" Но такой вывод был бы неправильным, ошибочным, причем сделанным сознательно...

"Мэтьюз не оправдал надежд", "Мэтьюз не использовал стопроцентный шанс" — это были еще не самые обидные заголовки утренних газет. Я даже не пытался оправдаться.

Когда в понедельник я пришел на тренировку в "Сток Сити", мое настроение было все еще мрачным. Едва я вошел в раздевалку, как разговор между игроками прекратился. Все смотрели на меня с сочувствием.

Наступила неприятная тишина. Я первый решил ее нарушить.

— Мне жаль, что я вас разочаровал, друзья.

На мое счастье, тягостное напряжение сразу пропало...

После обеда и вновь пришел на поле. Я должен был выполнить одно очень важное индивидуальное занятие.

Я взял из раздевалки несколько мячей и установил их все на том месте, откуда два дня назад я промахнулся в матче с немцами. Бил я изо всей силы. Все мячи до одного оказались в сетке. Я снова их собрал, принес на это место и вновь начал бить по воротам. Кто знает, сколько раз я повторял это придуманное мной упражнение?..

Потренировавшись таким образом, я почувствовал небольшое облегчение. Затем я сделал пробежку с мячом вокруг поля на полной скорости и, наконец, приблизившись к "трагичному месту", сильно пробил по воротам. Мяч вновь опустился в сетку.

В "наказание" я еще раз собрал все мячи, установил их там же, где и прежде, открыл "беглый огонь" и вновь "победил" мысленно стоящего передо мной вратаря.

Уже смеркалось, когда возвращался в раздевалку. В темноте мне показалось, что кто-то стоит у входа. Я окликнул, и знакомый голос мне ответил:

— Это я, сынок!

— Здравствуй, отец! Что ты тут делаешь?

Отец вышел из темноты, чтобы помочь мне, и взял из моих рук два мяча.

— Сегодня после полудня мы с матерью заходили к Бетти на чай. Потом я решил прогуляться и зайти к тебе.

— Как ты узнал, что я на стадионе?

— Я знал, где ты можешь быть, — ответил отец.

Он не захотел идти в раздевалку. Я быстро оделся, и мы отправились домой. Сначала мы шли молча, но наконец отец спросил меня:

— Что ты думаешь о последней своей игре?

И, не ожидая моего ответа, продолжил:

— Видишь ли, сын, меня не так волнует прошедшая игра, сколько то, как ты будешь выступать в очередном матче за "Сток Сити". По этому поводу у меня есть собственное мнение. Но скажи мне, ты сам понимаешь, что случилось, или, вернее, как ты думаешь использовать свой неудачный опыт?

Мы шли нога в ногу. Улицы совсем потонули во мраке, и лишь когда нам по пути попадались редкие светильники, я видел лицо отца. Оно было задумчивым.

— Вот как я смотрю на это, сынок, — наконец продолжил он наш разговор. — Во всякой профессии есть два основных периода. Первый, который посвящен учебе, продолжается, скажем, с 14 лет до 21 года, и второй, когда дело освоено и выполняется квалифицированно и с полной ответственностью.

В первом периоде будущему профессионалу позволено, насколько это допускает специальность, делать ошибки. Оттого-то он и находится под постоянным надзором учителя: педагога в школе, мастера или хозяина предприятия. Но в один прекрасный день учеба кончается. Она не может продолжаться вечно. С момента, когда человек завершает обучение своей будущей специальности, он предоставляется самому себе и своей совести. Никакие ошибки теперь ему не прощаются и не объясняются

молодостью. В обратном случае принимается единственное решение: человек остается без работы

В твоей специальности профессионального футболиста ситуация несколько отличная.

Через пару месяцев тебе стукнет 21 год и, следовательно, окончится твой период обучения. Но до этого ты должен твердо усвоить одно правило: имеющиеся у тебя недостатки и вообще ошибки не могут быть исправлены только улучшением физической подготовки, тренированности. Устранять их надо начинать в спокойном состоянии, детально изучив и продумав перед этим природу ошибок.

Когда ты не забил свой стопроцентный гол, это отразилось в первую очередь не на твоем физическом, а на психическом состоянии. Поэтому-то ты так слабо и провел окончание матча.

В самом деле, еще перед этим твою психическую стабильность нарушил тот немецкий защитник. Должен признать, что прежде тебе не приходилось играть против футболиста такого класса.

На тебя удручающе подействовало то, что он показал свое превосходство. Но ты не подумал над тем, что же предпринять для того, чтобы вернуть себе инициативу. А тебе нужно было применить против него какой-то новый способ. В таких случаях никак нельзя падать духом. Самое страшное — если ты вобьешь себе в голову, что противник сильнее тебя. Ты так подумал и потерял самообладание.

И теперь, если ты в будущем попадаешь в подобные ситуации, помни, что самое страшное — это поднять руки вверх. Ты должен сохранять спокойствие и снова и снова делать попытки победить противника.

Отец замолчал на некоторое время, а затем продолжил:

— Стэнли, я тебе хочу сказать о том, во что я давно верил, но не хотел говорить раньше: ты можешь стать одним из лучших футболистов Англии. Но ты не станешь им, если с тобой будет случаться подобное тому, что произошло в последнем матче, и если ты будешь исправлять ошибки так, как это ты делал сегодня... Все это не так просто как тебе кажется..

Ты должен забыть, что пишут о тебе газеты, что они говорят о твоей игре в матче с немцами.

Смешно было бы говорить, что ты никогда больше не будешь ошибаться. Но нельзя допускать, чтобы эти промахи сделали тебя малодушным. Учись постоянно на них и сохраняй при этом непоколебимое внутреннее спокойствие.

С другой стороны, ты достигнешь и немалых успехов. Бойся, чтобы они не ударили тебе в голову.

В субботу тебе предстоит игра на первенство. Проведи ее так, как ты умеешь. У тебя нет оснований сомневаться в себе.

...Когда в субботу после полудня я выбежал на поле вместе с верными друзьями нз "Сток Сити", чувствовал я себя уверенно, как никогда. Отец мне дал свои советы в самое время.

С первых же шагов на поле я почувствовал странную перемену в отношении болельщиков ко мне. Нечто подобное я заметил и у игроков противника. Когда я в первый раз получил мяч и рванулся с ним к лицевой линии навстречу защитнику, то увидел, что он ведет себя более чем самоуверенно. Может быть, он видел мою игру с немцами? — подумал я. Тут же защитник опрометчиво бросился к мячу, который я держал в ногах, и... через мгновенье он уже не видел ни мяча, ни меня: как стрела, я рванулся вперед и сделал прострельную передачу... В конце тайма мой опекун напоминал боксера в состоянии грогги.

Уходя на перерыв, я не мог не посмотреть на то место, где обычно сидел мой отец, и не сдержал улыбки: лицо отца сняло от счастья. Это был для меня лучший знак признания.

Во втором тайме я окончательно разошелся и продемонстрировал зрителям весь запас своих трюков: поклонники "Стоя Сити" были вновь покорены. Отец мне дал верный совет. И, к моему горю, последний. Вскоре произошла сцена, которую я описал вначале.

...Было мне 22 года, когда было объявлено, что я буду играть правым крайним в матче против сборной Шотландии. Местом очередной традиционной встречи был избран знаменитый стадион "Хемпден-парк" в Глазго. Одним из первых, кто поздравил меня с возвращением в английскую сборную, был мой тесть Джим Валанс. При этом он сказал мне:

— Остерегайся, ибо ты не слышал рева "Хемпден-парка", когда вступают в действие 150 тысяч глоток шотландских болельщиков. Вопли "Хемпдена" опаснее двух пропущенных голов.

Встреча англичан с шотландцами была в центре внимания. Напряжение росло изо дня в день.

В то время в английском клубе "Престон" левого защитника играл молодой шотландец Эндрью Битти. Это был отличный футболист. Шотландские селекционеры доверили ему месю в сборной, в которой зятем он выступал долгие годы.

Было очевидно, что передо мной будет не какой-нибудь молокосос или защитник типа "забияки", который не видит дальше своего носа. В связи с этим я постарался собрать как можно больше информации о Битти. Проштудировав его манеру игры со всех сторон, я составил свой личный план "военных

действий".

"Хемпден-парк" ожидал нас переполненным до последнего места. Точно 149 547 зрителей пропустили бесчисленные ворота итого стадиона. Впервые в жизни я играл перед таким количеством людей.

В какой-то момент я подумал, что мы обязательно проиграем, и сразу же у меня все закружилось в голове.

Стэнли МЭТЬЮЗ

Но как только мы вышли на поле и стали разминаться, остатки неуверенности пропади, и я занял свое обычное место в ожидании первого свистка судьи. Я посмотрел на Битти: он тоже

стоял на своем месте и не спускал с меня глаз.

Раздался свисток, и я впервые своими ушами услышал "рев "Хемпдена"... Он напоминал бешенный ураган.

Тут же левый инсайд Старлинг сделал длинный диагональный пас в мою сторону. Мяч завершил свой полет прямо перед моими ногами в одном-двух метрах. Я подхватил его и двинулся по правому краю.

Битти не мешкал и рванулся ко мне. Словно по сигналу волшебника, смолк "рев "Хемпдена". Наступила гробовая тишина. Наверное, потому, что все очевидцы этого матча ожидали через несколько секунд увидеть ответ на вопрос, который утром задали все газеты: "Сможет ли Битти укротить Мэтьюза?".

Битти был все ближе и ближе, я не мог видеть его лица, так как мои глаза следили за мячом и его ногами... Я неожиданно сделал финт влево, Битти молниеносно среагировал, но это была его фатальная ошибка... Едва он успел обрести равновесие, как потерял меня из поля зрения, и я успел проскочить с правой стороны.

Довольный собой, я возвращался к центру поля. В первом же единоборстве я сумел покорить Битти. До конца матча он так и не смог найти ключа к моим действиям. Шла напряженная борьба. Мяч то и дело переносился от одних ворот к другим. Обе команды показывали настоящий атлетический футбол. За пять минут до конца первого тайма наконец-то осуществился план, принятый на утренней конференции селекционеров с футболистами. Обороне шотландцев пришлось изрядно намучиться, чтобы сдержать наших форвардов. Как и было предусмотрено, свои атаки мы вели в основном длинными диагональными передачами с края на край. Благодаря этому мы и забили гол. В центре перед штрафной площадью соперников в один из моментов зона оказалась разреженной. Туда немедленно устремился наш центрфорвард Стил, которому без задержки была адресована передача, и он с полного хода послал мяч в сетку.

Второй тайм мы начали излишне самоуверенно. И игра за это нам отомстила. И не только потому, что мы стали уступать шотландцам в самоотверженности, но и потому, что мы совсем забыли об убийственном "реве "Хемпдена".

Если вы когда-либо слышали о том, что выигранный матч проигрывался на стадионе "Хемпден-парк" из-за "рева", то это был как раз тот самый случай. Не успел еще судья поднести свисток к губам, чтобы известить о начале второго тайма, как стадион буквально задрожал от адского крика шотландских болельщиков. До конца игры, полных 45 минут, рев не утихал ни на секунду. Шотландским футболистам будто бы впрыснули магическую

инъекцию! Они заиграли так, как будто этот матч решал вопрос жизни или смерти.

Не прошло и двух минут, как после удара центрфорварда шотландца О'Донелла наш вратарь вынужден был вытащить первый мяч из сетни.

Среди зрителей — безумное воодушевление. "Рев "Хемпдена" зазвучал с удвоенной силой. Несомненно, он повлиял на слаженность наших действий. Полчаса спустя второй мяч влетел в ворота англичан. Вудли не сумел поймать "бомбу" Маккейна.

В этой ситуации я делал все, что было в моих силах, чтобы пробиться к воротам шотландцев, и когда казалось, что нам вот-вот удастся сравнять результат, неумолимый Маккейн забил третий мяч! С опущенными головами мы покидали поле.

НЕТ, Я НЕ ИНДИВИДУАЛИСТ

Год 1938-й В Европе — чрезвычайно сложная политическая обстановка. В это время английской сборной предстояла международная товарищеская встреча в Берлине со сборной Германии.

По приезде в Берлин руководители нашей сборной проводили дни в консультациях с английским послом сэром Невиллом Гендерсоном. Он заметил им, что ситуация в Европе такова, что достаточно маленькой искры, чтобы вспыхнул пожар. Гендерсон также напомнил, что немцы были очень обижены, так как наши спортсмены на Олимпийских играх 1936 года в Берлине приветствовали их гимн всего лишь поворотом головы вправо. Речь шла о том, чтобы на этот раз мы во время исполнения немецкого гимна среагировали на него нацистским приветствием — поднятием правой руки вверх.

Во время одного из собраний команды к нам обратился один из руководителей сборной.

— Друзья, решено, что перед игрой обе команды выстроятся перед главной трибуной... Чтобы произвести хорошее впечатление на присутствующих, прошу вас во время исполнения гимна приветствовать зрителей поднятием правой руки вверх.

Мы онемели, услышав его просьбу, не веря своим ушам. Напряжение не могло оставаться вечным. Вдруг словно бомба взорвалась. Мы бросились к своему руководителю и заговорили все разом, взволнованно и шумно. Наше положение было крайне напряженным. В эти минуты я искренне сожалел о том, что приехал в Берлин. Как бы я был счастлив, если бы мог оказаться дома!

В голове у меня все перевернулось. Что скажут мои друзья и родные, увидев фотографию, на которой я вместе с другими

футболистами приветствую зрителей по-нацистски! Ситуация казалась мне безнадежной. Я видел, что и всем футболистам эти рекомендации были неприятны. Мы смотрели друг на друга, не зная что делать. В какой-то момент я подумал о том. что вообще не надо выходить на поле...

Затем слово вновь взял представитель Английской футбольной ассоциации. Он сказал нам. что в соответствующем месте эта проблема будет рассмотрена снова в кратчайший срок.

Вскоре нас действительно информировали о создавшемся положении. Нам объяснили, что существуют "высшие соображения", которым мы должны покориться, несмотря на личные чувства, и исполнить обряд приветствия, как бы это ни было неприятно...

Когда мы вышли на поле под предводительством Хепгуда, немцы нас сдержанно поздравили. Во время исполнеиия немецкого гимна стадион буквально грохотал от фанатичных криков, а когда звучал британский гимн, на трибунах царила мертвая тишина. Только с последними тактами до нас донеслось несколыю пронзительных криков: "Вперед, Англия!".

Это были голоса группы наших туристов, приехавших в Берлин в день матча. Если б вы знали, как подействовали они на нася заставив сильнее биться сердца и превозмочь самих себя. Спасибо им!

Во время исполнения гимнов я смотрел на трибуну. В специальной ложе сидели Геббельс, Геринг, Гесс и вся остальная нацистская верхушка. Весь стадион плавал в море флагов с крючкообразными крестами...

Я занял свое место. Всех нас с этого времени обуревало лишь одно желание: победить!

По приезде в Германию я узнал, что футбольные круги достаточно наслышаны о моей игре. Меня считали здесь одним из лучших крайних Европы. Между тем немцы довольно самоуверенно заявили, что Минценберг до сих пор остается для меня непроходимой стеной.

Игра началась. С нетерпением я ожидал момента, когда получу мяч: для меня настало время великого испытания.

Наконец это случилось. Тщательно контролируя ногами мяч, я устремился к лицевой линии. Бросив быстрый взгляд вперед, я увидел Минценберга, который шел на меня с тем же выражением лица, что и много лет назад. Наша "история" возобновлялась.

Стадион онемел. Зрители понимали что сейчас произойдет один из кульминационных моментов игры. Как стрела, я несся на Минценберга, как будто хотел с ним столкнуться. И он полетел на меня. Но я успел "нажать на тормоза" перед самым его носом,

рванулся в сторону и исчез из-под его контроля. Мяч остался у меня в ногах!

И все же до тех пор, пока я не передал мяча своему партнеру, я не думал, что уже переиграл Минценберга. Получилось, однако, все намного проще и легче, чем я ожидал. Было очевидно, что некогда отличный защитник Минценберг немного постарел и утратил былую скорость.

В последующих дуэлях с ним стало ясно, что теперь уже я являюсь для него неугодным противником. Радовался я этому, как ребенок. Ни разу до конца матча он не смог отобрать у меня мяча. Делал я с ним, что хотел.

Вся английская команда в тот день показала отличную игру. Мы продемонстрировали немцам все, что умеем. После первого тайма счет был 4:2 в нашу пользу. Голы в нашей команде забили Клиф Бестин, Джек Робинсон, Фрэнк Брум и я.

Ситуация, из которой я провел мяч, напомнила мне ту, когда я упустил верный шанс в матче с немцами три года назад. Опять я вышел один к немецким воротам, но не "вспахал", как в прошлый раз землю, а нанес мощный прицельный удар.

Во втором тайме мы продолжили свою лекцию немецким футболистам: Робинсон и Гульден забили еще два гола, а немцам за несколько минут до конца удалось отыграть лишь один мяч. Общий результат — 6:3 в пользу сборной Англии.

После матча мы все сердечно поздравили друг друга с победой и разъехались по домам. И тут я хочу рассказать об одном весьма своеобразном инциденте, связанном с моим именем.

Следующим утром за чаем я с нетерпением стал просматривать газеты, чтобы прочесть комментарий о нашей встрече. Но когда я увидел первый же заголовок. мне стало не по себе. Через всю страницу было написано: "Индивидуалист Мэтьюз выключил из игры Холла!"

Надо сказать, что с Холлом в сборной Англии мы выступали неоднократно. Это был один из лучших правых инсайдов страны, очень хороший парень, мой друг.

...Я вскочил с места не в силах сдержать негодование. Это была очевидно чья-то злая шутка! Но кто это мог сделать и зачем? Я так и не знаю этого до сих пор. Мне было очень неприятно, что это измышление могло повлиять на мнение селекционеров, отбиравших футболистов на матч с ирландцами.

— Это неправда, — сказал я сразу же жене. — Мы с Вилли расстались как лучшие друзья. После игры в раздевалке никто и не говорил об этом. Все были довольны нашими с Холлом взаимодействиями.

На мое счастье, когда назавтра бил объявлен состав команды на следующий матч с Ирландией, я увидел в списке имя Холла.

Мы встретились с Вилли Холлом за два дня до матча с ирландцами. Ни одним словом мы не обмолвились о неприятном инциденте. Я чувствовал, что Вилли также озабочен недобросовестной статьей и что ему не приходило ничего подобного на ум. На сборах мы поселились с Холлом в одной комнате.

Я знал, что общественность не будет сводить глаз с меня и Холла. Общими действиями мы постарались развеять все сомнения.

В том матче Холл действовал безошибочно. Он был изумителен. У меня просто не хватает слов описать, как мы вдвоем помогали друг другу тогда.

В этой игре казалось, что мы созданы друг для друга. В любой момент матча я чувствовал, когда мне нужно было сделать рывок, когда придержать мяч, когда "замереть" на месте. В этот день я не имел права ошибаться. Всякая передача, которую мне детал Холл, производилась так, что мяч ложился мне точно под ногу с нужной мне скоростью.

Мне было жаль левого защитника ирландцев Билла Кука из "Эвертона". Холл и я сделали из него в тот день посмешище. Он был в полном отчаянии.

Тот день и тот матч прошел под звездой Вилли Холла. Он забил пять голов, а сборная Англии победила 7:0. Одновременно Холл установил достижение, рекордное для британской сборной в международных матчах: он провел три мяча за три с половиной минуты!

Что касается меня, то я тоже остался доволен: четыре гола Холл забил после моих пасов.

Ту встречу со сборной Ирландии я рассматриваю как одну из своих крупнейших удач на футбольном поле, тем более что мне посчастливилось выступать в одной команде с игроком такого класса, как Холл. Вместе с тем мы доказали: все, что говорилось за нашими спинами, не соответствует истине.

По окончании матча все мы бросились поздравлять Холла с отличной игрой. Над стадионом гремел гром оваций английской сборной и ее бомбардиру номер 1.

При выходе с поля футболисты образовали живой коридор, по которому под аплодисменты прошел растроганный Холл...

...Искра, о которой говорил нам английский посол в Берлине, действительно вызвала безумный пожар. Началась вторая мировая война... Последним, наиболее запомнившимся событием предвоенных лет для меня была победа сборной Англии над

шотландцами на все том же "Хемпден-парке". В этот раз мы сумели преодолеть убийственный рев местных патриотов. Решающий гол был забит Томми Лаутоном после того, как он получил мяч, поданый мной с углового.

Я опускаю здесь свои военные воспоминания. Футбол в те годы отошел даже для меня на второй план.

Футбольная жизнь в Англии начала пульсировать по-настоящему лишь в первый послевоенный год. Тогда-то мне вместе со своим клубом "Сток Сити" посчастливилось впервые в жизни выступать в финальном матче Кубка на знаменитом стадионе "Уэмбли". В упорной борьбе мы уступили победу "Болтону". Во время той игры произошло страшное несчастье. Стадион был переполнен, а за его воротами остались тысячи любителей футбола. Одна из групп болельщиков сумела пробиться на стадион, сорвав ворота, а за ними устремились остальные... На следующее утро газеты сообщили о том, что во время давки погибли 33 человека, а около 500 любителей футбола получили легкие и тяжелые повреждения.

...Из-за серьезной травмы ноги я долгое время не выступал в конце сезона 1946 года. Не смог я играть и за сборную Англин в матче с командой Северной Ирландии в Белфасте. В то время несколько молодых и весьма талантливых футболистов уже стучались в дверь национальной сборной. Одним из них был Том Финней, правый крайний клуба "Престон".

Этот снимок в свое время был признан лучшим спортивным фотоснимком года. На покрытом водой поле Том ФИННЕЙ в фонтане брызг овладевает мячом и сейчас устремится в атаку.

Во встрече в Белфасте, в которой англичане победили 7:2, Финней сыграл отлично. Футбольные комментаторы единодушно заявили, что мне придется теперь приложить немало труда, чтобы вернуть снбе место в сборной.

Неделю спустя Финней снова выступил в составе национальной команды, на этот раз в игре со сборной Ирландии, и сумел забить единственный в этом матче гол. По общему мнению, он прочно закрепился в сборной Англин.

Что я думаю о Томе Финнее? Его имя стало настолько популярными и известным в мире, что о нем будут вспоминать, пока существует английский футбол.

В те дни Финней двигался к вершине своей славы семимильными шагами. Жили мы с ним по-соседству: его дом был милях в двух от моего. Мы знали друг друга давно и часто бывали вместе в поездках спорной Англии. И если вы когда-нибудь услышите о том, что между нами бывали ссоры или нездоровое соперничество, знайте — это ложь!

После встречи с ирландцами сборная Англии проводила свой очередной матч в середине ноября в Манчестере против Уэльса. В футбольных кругах и прессе широко дискутировалась проблема: "Мэтьюз или Финней?"

Когда был объявлен состав сборной на эту игру, я не нашел своего имени в списках команды. Селекционеры отдали предпочтение Финнею. И я думаю по праву, так как он блестяще

провел игры в Белфасте и Дублине.

Признаюсь, мне было, конечно, грустно. Наконец-то и я вкусил горькую часть футбольного "яблока".

ИЗ "СТОК СИТИ" В "БЛЭКПУЛ"

Пережил я то время и некоторое разочарование журналистами. Как сговорившись, они начали меня критиковать и выискивать у меня всякие недостатки. Так писали даже те, кого я считал своими друзьями. Еще утром, как говорится, они были готовы петь дифирамбы моему мастерству, а к полночи они начали все чаще повторять, что я давно уже не достоин того внимания, которое мне оказывают. В первое время я был несказвнно удивлен и подавлен. Чувствовал себя беспомощным и растерянным, начинал даже терять веру в свои силы. Как я горько жалел, что мой отец умер. Мне так не хватало его советов, чтобы перебороть внутренний кризис.

К великому удивлению тех, кто открыто заявлял, что я вполне созрел для "архива", да и, признаюсь, к моему, селенцнонеры включили меня в сборную на матч с шотландцами 12 апреля 1947 г.

ГЛАЗГО, 1947 год. Сборные команды Великобритании (в темных футболках) и Европы, возглавляемые своими капитанами ХАРДВИГОМ и КЭРН, выходят на поле. МЭТЬЮЗ — шестой в строю сборной Великобритании.

Шотландский форвард Маклейрен на 15-й мнnуте первого тайма открыл счет. На перерыв мы ушли, проигрывая 0:1. После отдыха наша команда бросила все свои силы на штурм отличной

обороны шотландцев. С каждой минутой атаки англичан становились все мощнее и опаснее. Однако долгое время мы не могли добиться успеха, а когда уже казалось, что ничего сделать нельзя, счет был сравнен. Наш инсайд Картер получил мяч в штрафной площади н неотразимо пробил по воротам.

Перед самым концом встречи Картер оказался в идентичной позиции. Никем не прикрытый, он выскочил один на один с шотландским вратарем Миллером.

Сто тысяч зрителей "Уэмбли" уже открыли рот, чтобы крикнуть: "Го-о-л!". когда Картер, к их и нашему удивлению, остановился и... оглянулся на судью. Тот рукой показал ему. что можно играть, но шанс уже был безнадежно упущен: шотландские защитники успели выбить мяч далеко к центру поля! Позднее выяснилось, что Картер подумал, что он находится в офсайде, и ему даже послышался свисток судьи, потому-то он и остановился. Между тем свисток действительно был, но его дал не арбитр, а какой-то распущенный болельщик.

Так. вместо того чтобы выиграть матч, мы были вынуждены довольствоваться ничьей — 1:1.

В начале сезона 1946/47 г. мои отношения с родным клубом "Сток Сити" вступили в неприятную фазу. Как я уже говорил, из-за травмы я долгое время не выступал и не тренировался. Однако ко дню 19 октября, когда "Сток Сити" должен был встречаться с лондонским "Арсеналом", я почувствовал себя вполне здоровым и надеялся быть включенным в первую команду.

По этому поводу я обратился к менеджеру клуба Макгрегору, но он всем видом показал, что у него нет ни малейшего желания ставить меня на игру. Он даже сказал мне, что, по его мнению, для меня было бы лучшим, если бы я вначале сыграл за резервную команду в одном нз товарищеских матчей. Я не мог упустить случая, чтобы не высказать своего отношения к его мнению. Разговор завершился взаимными колкостями.

Как результат этой беседы я получил уведомление от руководства, что не буду играть ни против "Арсенала", ни за резервный состав.

Для прессы эта новость была "конфетой". На следующий день все газеты с удовольствием "обсосали" ее.

Чтобы замутить воду еще больше, одна из газет написала о том, что все игроки "Сток Сити" единодушно просили руководство клуба о том, чтобы ни в коем случае из команды не был исключен Джордж Монтфорд, который во время моей болезни заменял меня.

Это было уже выше моих сил.

В то время я с семьей жил в городке Блэкпул и ежедневно

тренировался на местном стадионе. Я не щадил себя и знал, что нахожусь в хорошей форме и готов к самым тяжелым поединкам.

Телефон в моей квартире звонил беспрестанно. Со мной хотели говорить знакомые и незнакомые. Все реагировали на события по-разному. Я получил даже несколько анонимных писем, авторы которых называли меня плохим товарищем.

По этому вопросу у меня было твердое мнение: я бы согласился выступать за резервную команду, если бы знал точно, сколько в ней должен пробыть. Ведь случая попасть в основной состав я мог ждать недели и месяцы... С этим я не мог согласиться. Хотя бы потому, что я был готов к любой игре. Если бы я чувствовал себя плохо подготовленным, то сам бы предложил вывести меня из команды.

К большой радости, я получил письмо от цетра защиты "Сток Сити" и сборной Англии Нейла Френклина. Он заверял меня, что и зерна истины нет в заверениях печати, что игроки моего клуба якобы выступают против меня. Френклин писал, что он по своей инициативе созвал собрание всех игроков "Сток Сити" и спросил, кто из них имеет что-либо против Мэтьюза. Все они оказались противоположного мнения и желали, чтобы я быстрее возвратился в команду. Игроки поручили Френклину довести свое мнение до сведения руководства клуба и моего.

Письмо было написано в сердечном, дружеском тоне. Каждое слово дышало искренностью. Слезы потекли из моих глаз, когда я убедился в хорошем отношении ко мне со стороны товарищей по клубу. Этот их великолепный жест я никогда не забуду.

Я продолжал находиться в Блэкпуле, а "Сток Сити" проводил без меня матч с "Арсеналом". Мои земляки надеялись, что наш клуб победит соперников, так как "Арсенал" к тому времени не одержал ни одной победы на своем поле. Между тем для "Стока" это был несчастливый день — он проиграл 0:1.

Мне стало жаль Джорджа Монтфорда. Он был хороший друг и еще лучший футболист. Вскоре он н сам стал жертвой "общественности".

Сразу же после матча с "Арсеналом“ меня посетил в Блэкпуле наш менеджер Макгрегор. Мы с ним долго беседовали и решили, что через несколько дней я должен встретиться с представителями правления клуба "Сток Сити".

Встреча с руководством клуба проходила за закрытыми дверьми. Разговор продолжался около двух часов. По моей просьбе мне разрешили неделю провести дома с тем условием, чтобы тренировался я в Блэкпуле.

Обе стороны не выставляли друг другу ультиматумов. Переговоры завершились улыбками и рукопожатиями. На утро

правление "Сток Сити" выпустило следующее коммюнике:

"Разногласия между руководством клуба "Сток Сити" и футболистом Стэнли Мэтьюзом улажены в дружеской обстановке. По его просьбе правление предоставило ему семь дней отдыха".

Спустя неделю я возвратился в "Сток" и как ни в чем не бывало стал выполнять все обязанности профессионального футболиста. Между тем в начале апреля дело дошло вновь до конфликта, причем неожиданно для меня и не по моей воле.

Во время пасхальных празднеств "Сток Сити" должен был провести три матча. В "великую пятницу" — с "Гримсби", на следующий день — с "Хаддерсфилдом" и в понедельник — опять против "Гримсби". Второй и третий матчи игрались на своем поле.

Боясь, что я не смогу как следует подготовиться к игре в составе национальной сборной против шотландцев (12 апреля), я попросил менеджера Макгрегора освободить меня от первой встречи с "Гримсби". Он согласился, добавив при этом, что я обязательно должен в субботу выступить против "Хаддерсфилда".

Я сердечно поблагодарил Макгрегора и, конечно, пообещал выполнить его просьбу.

В субботу утром я был в "Стоке" и узнал, что наш клуб легко победил "Гримсби". Макгрегор еще раз напомнил мне о сегодняшней встрече с "Хаддерсфилдом".

Как всегда, я пришел на стадион за 45 минут до начала матча, В раздевалке я встретил Макгрегора, который без всякого вступления заявил, что сегодня я ему не буду нужен, так как выступать будет состав, победивший "Гримсбн".

Я остался на матч. "Сток" легко добыл два очка, а после матча Макгрегор сказал мне, что и в понедельник будет играть тот же состав.

Я ему ответил, что ничего не имею против, не упустив случая заметить, что эту информацию он мог мне сообщить и утром, и уехал в Блэкпул.

В следующую субботу я играл в сборной Англии в матче с шотландцами.

Через неделю "Сток Сити" предстоял матч на своем поле с клубом "Брендфорд". В среду я прочел свое имя в списках команды на эту игру.

В субботу после полудня я зашел к Макгрегору. Он сообщил, что ставит меня в команду, к моему удивлению. Макгрегор сказал, что правым инсайдом будет выступать Монтфорд, который в последнее время отлично действовал на моем месте.

Только после матча я понял, что стал жертвой "двойной игры" менеджера. Я узнал, что меня поставили потому, что один из форвардов заболел.

Я сразу же пошел в прааление клуба. Они стали отрицать мои слова, но я предъявил им программу встречи, в которой был приведен состав "Сток Сити" на этот матч без моей фамилии. Таким образом, у меня не осталось никаких сомнений в недружелюбности руководства.

Этот случай переполнил чашу. Футболист должен иметь чувство уверенности. Он должен доверить руководству, менеджеру, тренеру, партнеру. В противном случае он утрачивает самообладание и не может показать и десятой части своих возможностей на поле.

Я потерял это доверие. Мне было ясно, что настало время расставания со "Сток Сити".

Я вновь выразил желание встретиться с правлением клуба. В тот раз я высказал им все, что было у меня на сердце, и заявил, что больше не могу быть участником их закулисных махинаций.

Члены правления не были озлоблены против меня. Напротив, они стремились как-то уладить дело. Но я больше им не верил и заявил, что хочу покинуть клуб. Поначалу они энергично возражали, но, увидев мою непреклонность, согласились.

Они спросили меня, в какой клуб я желал бы перейти. Я ответил: "В "Блэкпул!". Никто не имел ничего против.

Мы договорились, что я останусь в "Стоке" лишь до конца сезона, а переговоры с "Блэкпулом" начнутся во время летних каникул.

Президент "Сток Сити" просил всех присутствующих, чтобы наш уговор держался в строжайшей тайне. Между тем закрыть рот всем никогда не удается. Общественность, конечно, узнала, и в связи с этим мне пришлось пережить много неприятных минут, которые достигли кульминации перед моим выступлением в матче сборных лиг Англии и Северной Ирландии.

"Сток Сити" и "Блэкпул" долго торговались. Одно время переговоры едва не зашли в тупик. Но наконец-то соглашение было достигнуто. "Блэкпул" уплатил за меня 11500 фунтов стерлингов.

Договор с "Блэкпулом" я подписал сразу же после матча Великобритания — сборная Европы (Глазго, 10 мая 1947), в котором я имел честь играть.

Я был счастлив, что все, наконец. разрешилось.

...После многих лет впервые в сезоне 1940/50 г. я ни разу не был включен в национальную команду. Свое 35-летие я отпраздновал в "Блэкпуле" 1 февраля 1950 года. Я думал, что в этой команде и завершу свою карьеру.

Я был очень доволен, когда узнал, что футбольная ассоциация включила меня в команду, которая совершала турне

по США и Канаде, и был несказанно удивлен, когда мени пригласили в национальную сборную Англии на матчи финального турнира IV чемпионата мира в Бразилии...

Я не выступал в первой встрече, когда англичане победили сборную Чили — 2:0. Сидел я на трибуне и во время следующего матча со сборной США в Белу-Оризонте.

Все мы думали, что эта игра будет легкой прогулкой, так как незадолго до этого сборная английской лиги убедительно победила американских футболистов в Нью-Йорке.

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ЗАКОНЧИЛАСЬ КРАХОМ

Против США сборная вышла в таком составе: Вильямс ("Вулверхэмптон"), Рамсей ("Тоттенхэм"), Хьюз ("Ливерпуль"), Астон ("Манчестер Юнайтед"), Райт ("Вулверхэмптон"), Дикинсон ("Портсмут"). Финней ("Престон"), Мэннион ("Мидлсборо"), Бентли ("Четен"), Мортенсен ("Блэкпул"), Маллен ("Вулверхэмптон").

Перед выходом на поле это была веселая и самоуверенная команда.

Уже первые минуты показали, что на этот раз американцев не так легко победить. Больше того, на поле велась равная борьба, хотя по всем расчетам наша команда должна была сразу же добиться перевеса в один-два мяча.

К несчастью, большинство публики, как это всегда бывает, оказалось на стороне слабых, то есть нашего соперника. Зрители болели против нас отчаянно. Все же мне казалось, что в конце концов перелом в игре наступит. Однако американцы с каждой минутой играли все лучше и лучше.

Думаю, что наши футболисты были, кроме того, выбиты из колеи непривычными размерами и качеством поля. Было оно узкое н неровное. Но все равно я до сих пор не пойму, как могло ничего не удаваться нашим игрокам, — у них не получался ни одни пас, ни один удар.

За пять минут до перерыва американцы провели атаку правым краем. Центрфорвард Гэтинс в высоком прыжке поймал мяч на голову и неотразимо послал его в сетку ворот Вильямса.

Центральный нападающий сборной США ГЭТНИС забивает мяч в сетку ворот англичан. Этот гол оказался единственным в матче и принес американцам сенсационную победу.

Ожидая начала второго тайма, я тешил себя мыслью, что наши игроки наконец-то себя покажут.

Но вскоре я разочаровался. Картина первого тайма полностью повторилась. Чем меньше минут оставалось до конца, тем больше росло наше напряжение. Мы не могли проиграть, не имели права уступать такому противнику — уверяли мы друг друга.

Последний свисток судьи, словно молотом, ударил нас по голове. Весть о самом невероятном результате IV чемпионата мира мигом облетела всю планету. Это была сенсация десятилетия — США победили Англию — 1:0!

Я сидел с опущенной головой, пока наши игроки покидали поле. Не мог верить сам себе, что когда-нибудь что-либо подобное может случиться. Мои товарищи сказали, что в этот момент я был бледный, как полотно. Случайно бросив взгляд на руки, я увидел, что они в крови. Оказалось, что, когда шли последние минуты матча, от сильного возбуждения я ногтями впился в собственные ладони и разодрал их до крови.

Убитый поплелся я в раздевалку. Нет нужды описывать, что там творилось.

На торжественном банкете никто из нас не притронулся к еде, никто не произнес ни слова. Каждый думал о том, как будут встречать нас в Англии. Мы знали, что журналисты нас уж не пощадят.

В тот вечер в моей памяти прошли, как в кино, все международные матчи, сыгранные мной в сборной за шестнадцать лет. Тогда я думал, что этот случайный результат не

очень повредит репутации английского футбола. Теперь же, когда прошло более десяти лет, мне совершенно ясно, что это были первые признаки кризиса, который наступит позднее.

Некоторые утверждают, что это случилось в 1953 году, когда венгерская сборная побила англичан на их поле — 6:3. Трудно установить точную дату.

Я думаю, что лишь в следующем десятилетии новое поколение возвратит нашему футболу былой авторитет.

Мы возвратились в Рио-де-Жанейро, хорошо зная, что в следующей встрече мы должны или победить испанцев, или "умереть". Лишь выигрыш давал нам шанс продолжить турнир. Поражение или ничья означали бы бесславное возвращение в Англию.

В нашей команде произошли четыре перемены. Мне предоставили место на правом краю, а Финнея перевели на левый фланг.

Не могу сказать, что я уж очень обрадовался возможности выступить в матче против испанцев. Как зритель наших игр против Чили и США, я видел, что в команде почти отсутствует боевое настроение и воодушевление.

На собрании игроков перед матчем, которое проводил старший тренер Уолтер Уинтерботтом, я тоже попросил слова.

Что можно сказать искушенным в международных матчах футболистам перед игрой? Слишком поздно давать в этот момент какие-либо советы. У игроков на уме должно быть лишь одно: я обязан отдать все силы игре!

Каждый футболист в такие минуты старается позабыть о всех заботах, полностью переключить мысли на предстоящую встречу и иметь свежую голову. Избыток напутствий и советов может только нарушить его настройку на матч.

В последние годы встречи с игроками перед матчами стали у нас особенно долгими. Это верный признак недостатка в футболистах, способных мыслить на поле. Игрок, которому тренер или менеджер перед самым матчем должен давать указания, как надо играть, взаимодействовать с партнерами, или как вести себя во время встречи, не созрел для национальной сборной.

Взяв слово на собрании, я посоветовал своим товарищам играть естественно, как дома в своих клубах. Только тогда английский футболист сможет показать все, что он умеет.

Я лично боялся лишь одного: чтобы наши игроки не стали рабами ответственности за матч с испанцами. В страхе пережить еще одну неудачу можно испугаться вступать в единоборство, бояться совершить любую ошибку. Общеизвестно, что футболист,

который боится сделать промах, в тяжелую минуту не проявит активности, так как он теряет уверенность в своих силах и легкость в игре.

И все же я надеялся на лучшее, когда 2 июля 1950 года мы вместе с испанцами выбежали на поле.

В первые минуты я подумал, что мы быстро добьемся успеха. Между тем этого не случилось. Нас подвели неточные удары. А те мячи, которые шли в цель, становились добычей испанского вратаря Рамальетса, который находился в то время в блестящей форме.

Я удачно вошел в игру. В первых двух-трех дуэлях быстро разведал слабые стороны левого бека испанской сборной и наметил план своих действий. Вскоре после начала мне удался прорыв, и я отдал пас на выход Мортенсену. Наш центрфорвард рванулся вперед, к воротам. Я уже подумал про себя: "Вот он, гол!" Мортенсен находился в штрафной площади, когда один из защитников противника сбил его на землю... Судья не реагировал на наши красноречивые жесты.

Несколько минут спустя к воротам испанцев прорвался Милбори и тоже... оказался на земле. Судья и бровью не повел.

Явная необъективность арбитра отняла мужество у англичан, а испанцы с каждой минутой становились все агрессивнее. Играли они остро и жестко. У нас в Англии за такие свалки давно бы уже удалили с поля.

На перерыв мы ушли при счете 0:0.

Второй тайм начался новыми нашими атаками. Но гола все не было и не было. А когда мы меньше всего этого ждали, центрфорвард испанцев Зара послал мяч в сетку ворот англичан.

Испанцы сразу же свернули свои боевые порядки в "бункер". В один из моментов мне вновь удался прорыв. Когда я достиг линии штрафной площади, защитник схватил меня за майку и остановил. Спустя несколько минут картина вновь повторилась. Свисток судьи молчал. Разумеется, до окончания матча испанцы не стеснялись в средствах преградить нам путь к воротам.

Перед концом встречи у меня выступил холодный пот. В голове постоянно билась мысль: "Мы не можем проиграть, мы не можем покинуть поле побежденными".

Но это случилось...

Англия — родина футбола — не сумела пробиться в финальную часть турнира на первенство мира. Обиднее всего было то, что это произошло при первой попытке англичан бороться за "Золотую богиню".

На этот раз я находился в составе английской сборной, которая возвращалась в раздевалку посрамленной, с опущенными

головами.

В финале на гигантском стадионе "Маракана" уругвайцы победили бразильцев. Мы не видели этой игры, так как возвратились в Англию значительно раньше, чем предполагали.

...Никогда не забуду апрель 1953 года. "Блэкпул" вышел в финал Кубка Англии. Мне было 38 лет.

Финал Кубка Англии 1953 года вошел в историю Британского футбола как «матч МЭТЬЮЗА». Блестящая игра Стэнли была тому причиной. На снимке: С. МЭТЬЮЗ (слева) в финальном матче 1953 года.

Перед игрой я получил огромное количество писем от своих поклонников — все с пожеланиями счастья и успеха. Одновременно неизвестные мне люди звонили в мой дом днем и ночью со всех концов Великобритании. Чудесное это состояние — узнать, что столько людей на твоей стороне и желают тебе лишь одного — в третьей попытке завоевать, наконец, медаль победителя Кубка.

ДОЛГОЖДАННАЯ МЕДАЛЬ

Когда 2 мая я выбежал на поле стадиона "Уэмбли" и занял свое место против команды "Болтон", все вокруг мне казалось величественным и прекрасным. Излишне говорить о том, что трибуны были заполнены до отказа. Растроганный, я слушал, как десятки тысяч голосов скандируют мое имя.

...Не прошло и минуты, как "Болтон" повел — 1:0. Неудержимый Лофтхауз каким-то фантастическим боковым ударом заставил капитулировать нашего вратаря. Вся наша команда в этот момент застыла на месте, словно зачарованная.

Никогда позже мы не могли объяснить, что в тот момент с нами произошло. Но мы быстро взяли себя в руки: игра лишь началась, и отчаиваться рано.

35 минут спустя Мортенсен сравнял счет! Но наша радость была недолгой — перед концом тайма "Болтон" вновь вышел вперед.

Второй тайм начался жестким штурмом наших ворот, и результат вскоре стал 3:1 в пользу "Болтона". До конца матча оставалось 35 минут. Противник вел с разницей в два гола, нам уже казалось, что игра сделана и лишь чудо могло спасти "Блэкпул".

Но события развивались! Мортенсен пробился сквозь плотный строй защитников, как торпеда, и изменил счет — 2:3.

В этот момент я понял, что мы должны биться за победу изо всех сил. Глубоко вздохнув, я бросился в "последнюю атаку". Минуту спустя мы вместе с нашим правым инсайдом Эрни Тэйлором навели панику в оборонительных рядах "Болтона". Думаю, что их защитники тут впервые растерялись, встретившись со мной. Я начал играть с ними, словно кошка с мышью. Больше они не в силах были меня сдержать.

Я без передышки посылал мяч с края в центр. Наконец Мортенсен "поймал" один из моих пасов и забил неотразимый гол. 3:3! Ничья! До конца матча оставалась минута.

Лишь только соперники начали игру с центра, как мы перехватили мяч и устремились вперед. Стрелка на больших часах стадиона начала отсчитывать последнюю минуту. Вновь мяч оказался в моих ногах. Как безумный, я рванулся с ним к воротам. Обошел одного игрока, другого! Путь был свободен. Весь стадион стоял на ногах. Всякий мой шаг сопровождался оглушающим криком ста тысяч зрителей. Не жалея голосовых связок, они повторяли мое имя.

Все ближе и ближе я приближался к воротам "Болтона". Я заметил, что наш форвард Пери занял выгоднейшую позицию. Все зависело от того, сумею ли я точно и своевременно отдать ему пас.

Подтолкнув мяч чуть вперед, я собрал воедино свою волю, опыт, мастерство, приобретенные за годы упорнейшего труда на футбольных полях. Все зависело от меня...

Я сделал еще один шаг и перенес всю тяжесть тела на левую ногу. В момент, когда я замахнулся правой ногой, чтобы сделать передачу, я с ужасом почувствовал, что теряю равновесие. Часть подошвы левой ноги оказалась во впадине на поле... Нечеловеческим усилием я удержался и успел ударить по мячу. В следующее мгновение я очутился на траве, а когда поднялся на

ноги, то увидел, что мяч лежит в сетке ворот.

Пери забил победный гол!

На "Уэмбли" словно взорвалась бомба! В глазах у меня потемнело. Я едва мог вздохнуть. Все игроки "Блэкпула" обнимали и целовали меня, плакали от счастья, устроив "кучу малу". Не знаю, как остались целыми мои ребра и кости!

А вскоре раздался и финальный свисток судьи.

В голове у меня шумело от приветственных криков зрителей. Снова я очутился среди наших игроков. Они подняли меня на плечи и пошли по полю. В таком же положении оказался и наш капитан Гарри Джонсон. Это были самые счастливые минуты в моей жизни. Вместе с Джонсоном направился я в почетную ложу, где сидела королева Елизавета. Она поздравила нас и вручила медали победителей.

В последующие несколько дней я доставил немало забот блэкпульской почте. Если сложить все письма, которые пришли тогда в мой адрес, то это была бы настоящая гора. Все поздравляли меня. Наиболее интересными были письма, в которых родители просили научить их сыновей, как достигнуть вершин футбольного мастерства.

Они заставили меня надолго задуматься. Учить кого-либо — нелегкое дело. Это очень трудная работа, которая требует специального таланта и огромной ответственности.

У меня свое мнение о роли спортивного инструктора, тренера или педагога. Например, никто не оспаривает пользы того, что девочки и мальчики занимались спортом под надзором специального тренера. Однако трудно ожидать, что все они, занимаясь в одинаковых условиях, добьются одинаковых успехов. Вероятно, я найду немало противников такого заключения, но неопровержимо, что из одной и той же группы или поколения спортсменов, одинаково способных и самолюбивых, только некоторые достигают вершины, несмотря на то, что они были под наблюдением одного тренера и работали по одному методу.

Для достижения вершин в любом виде спорта, кроме труда, самопожертвований и упорства, необходимо иметь талант — врожденное качество.

Многие знаменитые футболисты, наши и зарубежные, могут подтвердить, что первые их успехи были достигнуты не благодаря тренерам. Те только умело управляли развитием их врожденных качеств.

Молодого и талантливого футболиста учить относительно легко. Изо дня в день он становится на тренировках все более умелым и искусным, легко схватывая и совершенствуя приемы, подсмотренные у опытных, хороших игроков. Никому не нужно

много объяснять.

А тогда, когда он овладеет основами игры в пределах своих способностей, ему предстоит окончательно сформировать свою личность.

Это похоже на дриблинг в футболе. Молодой игрок находит себя в тот момент, когда ему удается своим способом обыграть противника. Тогда-то одновременно он и приобретает чувство уверенности в своих силах. Без этого качества игрок пропадет для спорта.

Совсем плохо, когда тренер упорно требует от молодого футболиста сменить манеру игры на другую, не отвечающую его особенностям. Эти общие "законы" и консервативные методы тренировок подходят не каждому, и меньше всего игрокам с ярко выраженной индивидуальностью. Если его стеснить строгими рамками, вернее, не помочь развить нужные качества, то он быстро потеряет уверенность в своих силах и может быстро угаснуть.

Я вовсе не хочу сказать, что игроки такого типа не должны подчиняться общим принципам и дисциплине тренировок. Просто к ним нужно относиться более разумно, а помочь им могут опытные, искусные футболисты. Естественно, что они должны не обучать их своей манере, а подсказать самый быстрый и легкий путь к исправлению ошибок и развитию необходимых качеств.

Советы в футболе отличаются от жестких, бескомпромиссных приказов. Нет такого тренера, который бы сделал хорошего футболиста из молодого бесталанного человека, но и талантливого парня не удастся ему воспитать в классного игрока, если он запустит развитие его индивидуальных качеств.

...Каждый, кто живет на Британских островах, и особенно тот, кто был профессиональным футболистом, хорошо знает, что выигрыш Кубка Англии считается наивысшим успехом в жизни спортсмена.

Вообще же моя футбольная карьера не завершилась 2 мая 1953 года на "Уэмбли". Еще целых восемь лет играл я с большим удовольствием за "Блэкпул". А сейчас я вновь у себя "дома" — в родном клубе "Сток Сити" после 17-летнего отсутствия.

Спасибо моим землякам, которые приняли меня сердечно. С ними я пережил вторую молодость!

Стэнли МЭТЬЮЗ прислал нам свой снимок с надписью: «Наилучшие пожелания. Стэнли Мэтьюз».